

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ И ИСТОРИИ

*Журавлева И. А., к. филос. н., доцент
кафедры истории философии и культуры ВГУ*

Память – удивительный феномен. Если обратиться к исследованиям памяти в психологии, то мы увидим, что в них память рассматривается как продукт работы индивидуального сознания. Памятью обладает конкретный человек, который помнит что-то о себе и своем прошедшем опыте. С точки зрения, например, основателя прагматизма У. Джемса «память – это знание о минувшем душевном состоянии, после того, как оно перестало непосредственно сознаваться нами, она есть знание о событии или факте, о котором мы в данную минуту не думали, но который сознается нами как имевший место в прошлом».[3, С. 200] В современной психологии выделяется «личная память», «обыденная память», «эмоциональная память» и т.д. Большой интерес вызывают исследования «автобиографической памяти», под которой подразумевают «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, отмеченного фиксацией, сохранением, интерпретацией и актуализацией автобиографически значимых событий и состояний». [5, С. 12-13] Многие авторы сходятся на том, что индивидуальная или автобиографическая память это единственная форма памяти, которая возможна в принципе.

Однако, как социальные исследователи мы сталкиваемся с тем, что принято называть коллективной или социальной памятью, а также памятью исторической. Проблема в том, что, не смотря на огромный интерес к этой проблематике, а также на то, что в академической среде уже сложилось целое направление под названием Memory Studies, сами ключевые понятия остаются дискуссионными. Что мы понимаем под коллективной или социальной памятью? Что мы понимаем под культурной памятью? Под исторической памятью? Каково соотношение всех этих форм памяти? Все эти вопросы остаются достаточно актуальными и сейчас.

Итак, нас интересует соотношение исторической науки и социальной памяти, а также та роль, которую они играют в качестве механизмов идентификации национальных, государственных или иных общностей в современном мире.

Для многих людей вполне очевидным кажется положение, что историческая наука – это в первую очередь форма сохранения и восполнения памяти, что в этом и состоит главная задача историописания. В начале своей «Истории» сам Геродот пишет, что его труд необходим, «дабы ни события с течением времени между людьми не истребились, ни великие и дивные дела, эллинами и варварами совершенные, не остались бесславными». [3, с. 27] Однако уже здесь стоит оговориться, что у греческого историка память близка скорее к определенной форме знания – знания о прошлом. Современные же подходы к

феномену памяти предполагают ее самостоятельный статус и разные формы ее существования. Если для Геродота важно именно содержание памяти, та конкретная реальность, которая с помощью нее фиксируется, то мы в настоящее время сталкиваемся с интересом и вниманием к памяти как таковой.

В последние десятилетия наблюдается эффект центрирования истории на феномене памяти. Во-первых, акцентируется ценность воспоминаний участников и жертв исторических событий, вне зависимости от точности и правдивости этих воспоминаний. Во-вторых, наше знание этих воспоминаний, их сохранение, становится более похожим на сакральный акт, нежели познавательный. История, именно таким образом ориентированная на память, становится «аффирмативной», «т.е. утверждающей, потому что ее главная цель состоит в том, чтобы утвердить и превознести определенную традицию или группу, чью историю и опыт она изучает». [4, с. 99] Такого рода история отходит от своих естественных задач и подчиняет прошлое тем потребностям, которые актуальны в настоящем. У нее отсутствует критическая позиция по отношению к воспоминаниям, которые она собирает, и к традиции, которую она поддерживает.

С другой стороны, тот факт, что историческая наука немыслима без памяти, под сомнение не ставится. Во-первых, историописание было бы невозможно без переживания времени – на что отчетливо указал еще П. Рикер. Без человеческого переживания времени, без ощущения – на самом элементарном уровне – различия между тем, что случилось ранее, что происходит сейчас и что будет происходить впоследствии, не могло бы существовать никакое историописание. Очевидно, что вне памяти не мог бы существовать и человеческий временной опыт. В самом деле, можно сказать, что память – это один из модусов нашего временного опыта – модус, направленный в прошлое. Таким образом, память делает для нас возможной базовую концептуальную предпосылку историописания. Ведь без памяти не было бы переживания времени, а без временного опыта мы не смогли бы располагать события в прошлом. Во-вторых, между историей и памятью есть содержательное отношение. История в самом первоначальном смысле – это регистрация фактов прошлого, а без памяти эта функция была бы невыполнима. Из этих неоспоримых посылок некоторые историки делают вывод о фундаментальном значении памяти для историописания, где первая рассматривается как источник и основа второй. Так, Ж. Ле Гофф считает, что память – это «сырье» истории и чтоб «ментальная, устная или письменная, она была живительным источником, из которого черпают историки». [8, р.11]

Однако такое мнение может быть принято с определенными оговорками. Как известно, воспоминания – не статичные образования, которые возможно транслировать через поколения без изменений. Из многочисленных бесед с участниками значительных исторических событий, особенно травматичных для человеческой психики, было выявлено, что очень часто их рассказы о пережитом отмечены погрешностями и деформациями, которым подвергается индивидуальная память при ее переходе в версию социального стереотипа. Парадоксальным образом именно намерение «не забывать», вероятно, и

приводит к тому, что подобные особо важные для жизни человека события подвергаются разнообразным трансформациям, дополнениям и стандартизации: их приводят к тому унифицированному формату, в котором и другие люди о них помнят. Ведь всякий раз, когда воспоминание вызывается из памяти, – например в ходе рассказа – за этим следует новое его запоминание. При таком повторном запоминании на него наслаивается и контекст последней ситуации вызова из памяти – то есть изначальное воспоминание обогащается новыми нюансами, корректируется, фокусируется на тех или иных аспектах, переписывается. «Воспоминание – это всегда событие плюс воспоминание о том, как его вспоминали, поэтому разговоры о коллективно пережитых ключевых событиях обладают необычайно сильным воздействием на индивидуальные воспоминания каждого». [2, с. 30]

Итак, автобиографически и исторически значимые воспоминания имеют тенденцию к объединению тех событий и их интерпретаций, которые стали доступны уже позже того, как сами события произошли, что с неизбежностью искажает первоначально запоминаемое содержание. Этот факт должен указывать историкам на опасность абсолютизации значения памяти в историописании и на необходимость поиска таких средств по работе с содержанием как индивидуальной, так и социальной памяти, которые будут способствовать отделению фактического и адекватного знания от субъективных и стереотипных наслоений.

Историческая память – это, в первую очередь, обращение к прошлому, как в его позитивных, так и негативных аспектах, т.е. попытка реконструкции событий прошедшей действительности. Историческая память, как процесс познания прошлого, включающий отбор и сохранение информации о нём, – это «одно из проявлений социальной памяти, способности людей хранить и осмысливать собственный опыт и опыт предшествующих поколений», – так определяет это понятие Л. П. Репина. [6, с. 10] Если это верно, то что, с одной стороны, позволяет в некоторой степени совмещать эти понятия и иногда даже отождествлять? И на основании чего, собственно, историческая память выделяется в качестве автономной формы общественного сознания, с другой? Постараемся сначала установить пространство совмещения этих двух форм памяти.

Если рассматривать социальную память, как максимально широкий контекст знаний социума о самом себе, включающий не только достоверные сведения, но и различного рода стереотипные, мифологизированные и стандартизированные представления, задействованные в поддержании «образа себя» этого социума в настоящем, а историческую память, как сугубо знание о его прошлом, то объединяющим звеном в данном случае будет единство ценностно-смыслового поля. История, как часть культуры, была и остается одним из основных источников системы ценностей в обществе: «Историческая память обладает способностью к сохранению в общественном сознании оценочных установок, которые сформировались под воздействием исторических событий. Впоследствии эти установки перерастают в ценностные ориентиры, задающие определенные модели человеческим поступкам». [1, с.

50] Именно аксиологическая компонента является тем общим пространством, в котором происходит пересечение содержаний исторической и социальной форм памяти. Этим же взаимодействием в ценностно-смысловом аспекте обусловлен и избирательный характер исторической памяти. Ориентируясь на потребности, цели и ценности, задающие динамику процессов в социальной памяти, историческая, в свою очередь, актуализирует одни события прошлого и игнорирует другие. Тем самым, исторически подкрепляются определенные образцы поведения и модели отношений, которые в основном работают на сохранение и поддержание идентичности данного социума. Это то, что касается момента взаимопроникновения двух рассматриваемых форм памяти. Если же акцентировать внимание на их отличии, в первую очередь следует указать на то, что «понятия «социальная память» и «память историческая», имея идентичный объект отражения, отличаются способами фиксации его содержания и формами отражения бытия как на информационном, так и на культурно-семиотическом уровне». [5, с. 161] Социальная память охватывает больший объем запоминаемой информации и, следовательно, она менее дифференцирована, чем историческая. Социальная память практически лишена вещественных носителей и менее зависима от институциональных образований – она работает на более глубинных уровнях сознания социума, нежели историческая и поэтому не так сильно подвержена манипуляциям и искажениям. Именно социальная память формирует ценностно-смысловое пространство, опираясь при этом на содержание исторической памяти. Последняя же в силу того, что имеет целью сохранение знаний о прошлом, встраивается в поле исторической эпистемологии. Здесь следует рассмотреть те особенности исторической памяти, которые непосредственным образом связывают ее с историописанием как научной практикой и основные формы их взаимодействия.

Во-первых, можно сказать о том, что историческая память служит историку свидетельством того, что объективно произошло в прошлом, т.е. того, что произошло в форме внешне наблюдаемых событий. В конце концов, используют же историки «следы» и «источники» в своих конструкциях или реконструкциях прошлого. Память, в форме воспоминаний участников событий, является одной из категорий источников для исторических построений. Иногда память обеспечивает историческое свидетельство, которое иначе было бы недоступно. Так, рассказы очевидцев могут являться единственными источниками информации о каких-либо событиях. Однако все же лучше, когда этот вид свидетельства можно проверить, сопоставив его с непреднамеренным свидетельством.

Во-вторых, историческая память может служить историку в качестве свидетельства того, каким образом прошлое отложилось в сознании тех людей, которые в дальнейшем изложили эти свои воспоминания в рассказах. Другими словами, историк может сделать предметом исследования не то, что действительно происходило в прошлом, а то, как оно преломлялось в жизни конкретных участников тех или иных событий. В идеале, этот вид исторического исследования, сосредоточенный на рассмотрении опыта

исторических агентов, должен быть связан с другими формами исторического исследования, сфокусированными на таких вещах, как структурные и материальные условия и детерминанты истории, философские и религиозные взгляды, научные теории, технические приемы, представления о наилучших способах организации политической и социальной жизни и т. д.

В-третьих, историческая память сама по себе может стать для историка объектом историографического внимания. Это значит, что историк может сосредотачиваться не на внешних событиях прошлого и не на опыте их участников, а на том, какими способами люди позже вспоминали свой пережитый опыт. Для чего, конечно, именно сами по себе зафиксированные воспоминания и будут рассматриваться в качестве свидетельства.

Последняя – четвертая форма – исходит из наличия такого подхода к зафиксированным воспоминаниям о прошлых событиях, который находится вне компетенции научного дискурса. Воспоминания прошлых событий, или, точнее сказать, повествование, сформированное из этих воспоминаний, здесь становится чем-то родственным предметам почитания. Память становится самоценной (память о Великой французской революции во Франции, о Революции 1917 в СССР, о Холокосте в Израиле т.п.). Когда возникает поклонение, память в ее основном, опытным смысле превращается в нечто иное: память становится *коммеморацией*. Хотя память и коммеморация родственны друг другу, но они также и значительно различаются. Если память все-таки соотносима с реальностью прошлого, то коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить и упрочить чувство своего единства и общности, укрепляя связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий. Говорить здесь о критериях научности сложно.

Именно этот четвертый вариант соотношения истории и памяти, однако, вскрывает интересующую нас проблему: механизм взаимосвязи между историей, памятью и идентичностью их носителей. Ведь тот факт, что в настоящее время история в первую очередь воспринимается как сохранение памяти, т.е. коммеморация, говорит нам о том, что остро стоит проблема идентичности общества, которое обозначает свое единство во многом благодаря общности воспоминаний.

В современном мире сосуществует и конфликтует между собой слишком много альтернативных реальностей, каждая из которых продуцирует собственные представления об идентичности своих членов. В данном случае размывание идентичности неизбежно и первое практически действенное средство ее удержания – память. «Когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти». [4, с. 138] Идентичность – очень сложное для определения понятие, которое, однако, прочно вошло в современный дискурс социальных наук. Причиной тому, как ни странно, неопределенность этой самой идентичности, т.е. сложности с самоопределением и формированием «образа себя» как на личностном, так и на социальном уровне. Следствием чего стало такое положение дел – тема

отдельного исследования. Для нас в данном случае важен сам факт. Когда в обществе перестает быть очевидной консолидация на основе национальных, политических, культурных или других подобных основаниях, единственное, что остается – это общее прошлое. Как раз для того, чтоб заполнить образовавшийся вакуум, начинается бурная актуализация исторической памяти с обязательным возрождением исторических традиций «славного прошлого». По сути, мы действительно есть то, что мы о себе помним.

В таком контексте продуктивным кажется рассмотрение исторической памяти как одного из проявлений памяти социальной, взятой в срезе аксиологического содержания, транслируемого от поколения к поколению в формах ценностных установок и моделей поведения. Основываясь на своем историческом модусе, социальная память формирует то ценностно-смысловое пространство, которое фундирует способы самоопределения данного социума. Именно обозначившаяся в настоящий момент проблема идентичности (на разных уровнях) создает предпосылки для усиления в истории функции сохранения памяти, т.е. коммеморативной составляющей. В связи с этим проблема соотношения исторической науки и социальной памяти оказывается важной темой в современном гуманитарном дискурсе. Конечно, мы отталкиваемся от работ ряда известных авторов, положивших начало такого рода исследованиям. Так, понятие коллективной памяти, обстоятельно разработанное М. Хальбваксом, было поставлено им практически в антитезу к историческому знанию. Основанием для этого он считал тот факт, что память – это динамичный и живой контекст бытия социума, а история – всего лишь нечто наподобие склепа, где бережно хранятся мертвые остатки прошлого, давно переставшие быть частью реальной жизни. Родственные мысли звучат и в концепции «мемориальных мест» П. Нора. Однако мы все-таки пришли к заключению, что подобного рода выводы проблематичны. История и память находятся в сложном диалектическом отношении друг с другом, где одно постоянно перетекает в другое. Прошлое реконструируется в историческом исследовании при посредстве механизмов изъятия некоторого объема информации из достаточно аморфного содержания социальной памяти, после чего оно определенным образом структурируется и оформляется в повествование. Именно на этом этапе актуализируются те эпистемологические нормы, которым должна соответствовать научная практика. Полученный в результате исторический нарратив так же становится гармоничной частью социокультурного контекста своего времени, он в какой-то степени репродуцирует дальнейшие формы существования социальной памяти, чем и обеспечивает непрерывность процесса взаимодействия между ней и историей. Повторим еще раз – *общество, как и отдельный человек, есть то, что оно помнит о себе*. История в данном случае остается незаменимым компонентом выстраивания и поддержания самосознания социума, его культурной и национальной идентичности.

Библиографические ссылки

1. Бубнов Ю. А. Историческая память как проявление гуманистического смысла культуры / Ю. А. Бубнов // Университетская площадь. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2008. – № 1. – С. 49-54.
2. Геродот. История / Геродот // Историки Греции : Геродот. Фукидид. Ксенофонт. – М. : Худож. Лит., 1976. – 11-234.
3. Джемс У. Память // Психология памяти. – М.: ЧеРо, 1998. – 813 с.
4. Меггил А. Историческая эпистемология. М. : «Канон + » РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
5. Нуркова В.В. Методы исследования автобиографической памяти в психологии // Вестник РАО. – №2. – 1999. – С. 11-31.
6. Лойко О. Т. Социальная память в контексте историзма / О. Т. Лойко, Н. А. Вакурина // Вестник Томского государственного университета. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2011. – № 1. – С. 158-161.
7. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина,
8. В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
9. Le Goff J. History and Memory / J. Le Goff. – New York : Columbia University Press, 1992. – 265 p.